
В. Ю. КРУПЯНСКАЯ

ПОЕЗДКА В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

В октябре 1957 г. мною была совершена поездка в Чехословакию для ознакомления с ведущимися там работами по изучению культуры и быта рабочих.

Этнографическое изучение рабочих, начатое в Чехословакии с 1953 г., развернулось в настоящее время очень широко. Уже закончены три крупные монографии на эту тему; из них одна — «Горняцкая деревня Жакаровце» (Banická dedina Žakovce) — опубликована¹. Эти исследования тем интереснее, что, касаясь культуры и быта рабочих одной и той же отрасли промышленности (горнозаводской), они проведены в областях, различающихся по особенностям их исторического развития, что определило и различия в культуре, быту, укладе жизни населения. Так, если в Чехии, индустриально высоко развитой стране, быт и культура рабочего класса складывались под огромным воздействием города², то в Словакии весь ход развития промышленности (чередование периодов ее подъема с периодами резкого упадка, распыленность предприятий, связь рабочего населения с землей) обусловил сохранение в рабочем быту многих черт старого крестьянского уклада жизни.

Проведение параллельных исследований в разных районах и даже странах во многом проливает свет на процессы формирования культуры и быта рабочих, позволяет уточнить методы изучения, круг исследуемых проблем; вот почему мне, занимающейся этнографическим изучением русских рабочих, было чрезвычайно интересно и важно познакомиться с работами, проводимыми чешскими и словацкими учеными.

Я была приглашена Институтом этнографии Словацкой Академии наук принять участие в обсуждении выпущенного им труда, посвященного горняцкой деревне Жакаровце, в связи с чем мне была предоставлена возможность посетить этот старейший центр горной промышленности Словакии, а также познакомиться с новым объектом исследований Института — областью Горегроние (Horehronie), население которой в настоящее время все интенсивнее втягивается в промышленное производство.

Наша поездка, охватившая среднюю и северную Словакию, продолжалась неделю. В ней, помимо меня, приняли участие молодые исследовательницы рабочего быта Б. Филова и В. Носалова.

Горегроние, где в настоящее время ведут работу словацкие этнографы, — область старой валашской колонизации. Это долина верховьев реки Грона с расположенными в ней деревнями: Поломка, Завадка, Гельпа, Погорела, Шумица и Швермово (бывшая деревня Тельгард, сожженная фашистами за участие населения в восстании 1944 г.).

Этнический состав Горегрония не вполне выяснен. Есть предположение, что первоначальное словацкое население позже было пополнено колонистами-скотоводами местного и иноземного происхождения; предполагают, что колонизация шла из северо-восточной части современной территории Польши.

Первоначальным занятием населения было скотоводство и подсечное земледелие³. Видимо, здесь очень рано развился деревообделочный промысел (выработка «šindle» — драни для покрытия домов), о чем свидетельствуют архивные данные XVI в. Жители деревень западной части Горегрония занимались также сплавом леса по Грону до Баньской Быстрицы (откуда лес сплавлялся жителями деревень среднего Грона к Дунаю); сплав этот просуществовал до 20-х годов нашего столетия.

Некоторые сдвиги в экономике края произошли в начале XIX в., когда Горегроние перешло в руки немецкого магната Кобурга, основавшего в этих лесистых местах крупное капиталистическое производство — лесную и деревообрабатывающую промышленность. В 1830-е годы Кобург начал развивать здесь и металлургическую промыш-

¹ Рецензию на эту книгу см. «Сов. этнография», 1958, № 1.

² См.: О. К. Скалнкова, Этнографическое изучение быта рабочих в Чехословакии, «Сов. этнография», 1957, № 5.

³ Суровый климат и неплодородная почва позволяли выращивать здесь только нетребовательные культуры: картофель, овес, рожь, ячмень, а из технических — лен, и то лишь для собственного потребления.

ленность, вследствие чего между названными выше шестью селениями образовались новые небольшие поселки, самые названия которых — «Нова маша», «Погорельска маша», «Гамор»⁴ — свидетельствуют о том, что здесь некогда были металлургические предприятия. Однако заводы эти существовали недолго — до 70–80-х годов XIX в. Местной руды здесь не было, ее приходилось подвозить издалека, что было невыгодно. Но и в период существования этих предприятий на них работали в основном приезжие рабочие из других областей Словакии, в частности немцы. Местное же население было занято главным образом на подсобных работах — таких, как углежжение, извоз (доставка угля, руды). Часть мужского населения работала непосредственно на промышленных предприятиях, но лишь сезонно. Коренные изменения в занятиях и условиях жизни населения произошли лишь после 1945 г. в связи с индустриальным развитием Словакии.

В настоящее время большинство населения деревень западного Горегрония работает в промышленных предприятиях Брезно, в Подбрезове, Песок и в селении Завадка, где недавно построен завод для производства мостовых частей.

Мы осмотрели селение Поломку. Ежедневно из этого села (при его четырехтысячном населении) выезжает на работу в окрестные предприятия до тысячи чел. По характеру занятий это уже вполне рабочее население. Сельское хозяйство носит только подсобный характер.

Быт населения на глазах преобразовывается. Как и повсюду в Словакии, здесь широко развито жилищное строительство. Вместе с новым типом домов меняется и вся внутренняя их обстановка. В посещенных нами рабочих семьях она совершенно городского типа.

Старые дома сохраняют свою традиционную планировку, т. е. деление на избу, сени (piklet) и комнату, однако функции этих помещений изменились. Если еще до второй мировой войны большая печь помещалась в избе, то теперь — это единичное явление (печь перенесена в *piklet*, который в настоящее время является кухней)⁵.

Наряду с теми быстрыми изменениями, которые происходят в жилище, поражает необычайная живучесть женского национального костюма. В первом же доме, куда мы зашли, нам было показано молодой хозяйкой до трех десятков отдельных частей костюма: вышитых головных уборов, фартуков, «ор'еско» (коротких рубаш), разных цветов «životik»-ов (лифов), «sukče» (широких в мелкую складку юбок), кашемировых головных платков. Все части костюма с большим вкусом подбираются по их расцветке. Прекрасная вышивка ручной работы ярко свидетельствует о том, что национальный костюм в этих местах — явление живое, творческое. Традиционную народную одежду носят не только замужние женщины, но и девушки, за исключением тех, которые уже оторвались от села⁶.

В деревнях восточной части Горегрония (Шумица и Швермово), более удаленных от промышленных центров, население в основном занято в лесной промышленности; большинство уходит в лес на неделю — это так называемые «*tyždnevkarij*» (от *tyždeň* — неделя); занимаются также извозом (доставкой леса на станции железной дороги). Эти занятия сочетаются со скотоводством (разведение мелкого рогатого скота). Характер занятий накладывает свой отпечаток на быт населения. Так, в селении Шумица первое, что обращает на себя внимание, — это бытование не только женского, но и мужского традиционного костюма (из домотканной шерсти и полотна), что объясняется работой мужчин на лесных разработках, требующей специально приспособленной одежды.

При беглом осмотре трудно, конечно, сказать, отличаются ли по своему духовному складу, по традициям семейного и общественного быта деревни восточного Горегрония от западного, — это предмет детальных исследований.

Приступая к работе в Горегронии, словацкие этнографы ставят перед собой сложную задачу: не только дать всестороннее историко-этнографическое описание этой области, с учетом специфики ее отдельных частей, но и изучить те процессы, которые происходят в современной культуре и быту населения в результате быстрых темпов индустриального развития. Таким образом, это новое исследование Института этнографии Словацкой Академии наук входит в серию его работ по изучению культуры и быта рабочих. Однако объектом изучения является уже не один поселок (как то было в Жакаровце), а целый район с разным хозяйственным и, видимо, культурно-бытовым укладом отдельных его частей.

Большой интерес представило для меня посещение поселка Жакаровце. Мне, впервые знакомящейся со словацкой деревней, живые впечатления от жизни поселка многое прояснили в специфике быта словацких горняков, в частности в том полукрестьянском его укладе, который столь настойчиво отмечают авторы монографии, характеризуя не только прошлую, но и современную жизнь Жакаровце. И действительно, при первом же знакомстве с деревней бросается в глаза известный консерватизм ее бытового уклада. При входе в любой дом (будь то «стариковский» или дом молодой семейной пары) можно видеть так называемый «олтарик» (красный угол) с

⁴ Ма́ша — завод; *hárog* — паровой молот.

⁵ Нам удалось еще увидеть несколько домов старого типа с большой печью в избе.

⁶ Изучению костюма двух деревень Горегрония посвящено специальное исследование В. Носаловой «*L'udový odev v Hel'pe a v Pohoreloj*» (Bratislava, 1956).

установленным в нем распятием и скульптурными изображениями святых⁷. В первой же посещенной нами семье мы натолкнулись на невесту в полном свадебном наряде, с «партой» (специальный свадебный головной убор), в которой она ходила на оглашение в костел. Эти и многие другие бытовые детали, несомненно, говорят о традиционных устоях жизни, в частности о большом влиянии религии, в значительной мере способствующей консервации старого быта. Тем интереснее отметить новые явления в жизни поселка, возникшие в связи с социалистическими преобразованиями. Так, например, совсем недавно отстроен и в ближайшее время начнет функционировать большой клуб, деятельность которого, несомненно, окажет большое влияние на культуру и быт населения, особенно молодежи.

Мы познакомились с одним из старых горняцких городов. Это небольшой городок Гронец, расположенный по среднему течению Грона. Сохранилась хроника этого города (1540—1918 гг.), свидетельствующая о том, что уже в XVII в. он был поселением горняков, работавших на местных рудниках, которых насчитывалось 17—20. Население формировалось здесь сложным путем. Помимо словацкого населения, бывшего основным, здесь прошло несколько колонизационных волн; одной из ранних была группа немецких семей из Тироля (40 семей) — до сих пор одна из улиц этого городка носит название Тирольской. В 80-х годах прошлого века сюда пришла группа сталеваров из Мармароша (судя по фамилиям — омадьяренные немцы). Таким образом, население г. Гронец составляют коренные, потомственные рабочие. Однако городские формы материальной культуры (жилища, одежды и т. д.) сочетаются здесь с значительной консервативностью бытового уклада. Так, по рассказам населения, молодежь до сих пор собирается на посиделки.

В чем причины устойчивости в рабочем быту старых традиций и привычек? Ответ на этот вопрос может дать лишь всестороннее углубленное исследование.

По возвращении нашем в Братиславу в Институте состоялось заседание, главной темой которого было обсуждение монографии о Жакаровце. По просьбе дирекции Института я изложила свои соображения по поводу этой монографии. В связи с этим возник и обсуждался ряд вопросов более общего характера: о применении анкетного метода при монографических исследованиях, о необходимости более углубленного изучения семьи (с применением посемейной анкеты и всестороннего изучения семьи в поколениях), о важности изучения всех проявлений духовной жизни населения, что тесно связано с проблемой формирования сознания людей. Говорилось также о необходимости более тесной координации работ над отдельными темами монографии, что позволило бы подойти к рассмотрению явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности и глубже понять происходящие в быту процессы.

В течение нескольких дней, проведенных в Братиславе, я ознакомилась с общей деятельностью Института этнографии, в частности с его образцово поставленным архивом. Помимо первичной инвентаризации, на весь полевой этнографический материал (текстовый и иллюстративный) составлены систематические каталоги — территориальный и тематический, что чрезвычайно облегчает их дальнейшее научное использование.

В отделе музыкального фольклора Института музыковедения Словацкой Академии наук я познакомилась с богатейшими коллекциями песенного фольклора⁸. Мне показали также озвученный кинофильм по словацкому народному танцу, среди сюжетов которого особенно интересны развлечения молодежи в «кудельной хижне», заснятые в одной из деревень Горегрония⁹.

Я познакомилась с научными работниками Института этнографии; особенно много я общалась с Б. Филовой. Вдумчивая исследовательница рабочего быта, она ввела меня в круг проблем, разрабатываемых словацкими этнографами. В свою очередь я познакомила ее с принципами наших исследований современного быта и методикой анкетных обследований, с кругом вопросов, связанных с изучением семьи и семейных отношений, а также различных проявлений духовной культуры населения, т. е. как раз тех вопросов, которым, как мне кажется, словацкие этнографы не уделяют достаточного внимания.

Из Словакии я выехала в Чехию, где мне удалось познакомиться с исследованиями рабочего быта, проводимыми чешскими учеными.

Несколько дней я пробыла в Брно и в сопровождении д-ра К. Фойтика совершила поездки в места его полевых исследований. Мы посетили Росице-Ославанский район — один из крупнейших промышленных центров страны. Это каменноугольный бассейн, разработка которого началась в последней четверти XVIII в. До появления каменноугольных копей это был чисто сельскохозяйственный район. Таким образом, это сравнительно молодая промышленная область, что дало возможность исследователям (К. Фой-

⁷ Этого я не наблюдала ни в одной рабочей семье Чехии.

⁸ В архиве Института хранится 30 тысяч записей песен без мелодий и 15 тысяч песен, зафиксированных на магнитофоне; мелодии их расшифрованы. 4 тысячи песен разнесены по каталогам: территориальному и персональному (по певцам), по тематике и жанрам, по первому двустроичию песни. На основе этих коллекций Институт выпустил уже три тома песен: том I — в 1951, том II — в 1952 и том III — в 1956 г.

⁹ К сожалению, мне не удалось увидеть кинофильм, заснятый в Жакаровце, который в это время озвучивался.

тику и О. Сироватке) проследить развитие культуры и быта рабочих и крестьян с самого начала промышленного развития области. К. Фойтиком широко использованы архивные материалы¹⁰. В настоящее время закончено монументальное исследование по Росице-Ославанам, включающее две части — этнографическую и фольклорную.

Мы объехали весь промышленный район — его северную часть с г. Росице и деревнями Заставкой, Збышевым и южную часть — с г. Ославаны и прилегающими к нему деревнями.

Надо сказать — и это, видимо, характерно вообще для Моравии и Чехии, — что деревни этой промышленной области по своему внешнему виду мало отличаются от небольших городов; это городского типа поселки, быть может, несколько меньших размеров. Улицы представляют собой сплошную стену стоящих перпендикулярно к ней одноэтажных кирпичных домов с широкими двустворчатыми воротами и большими окнами.

Несколько особняком стоят в этих поселках так называемые «колонии», т. е. дома, выстроенные предпринимателями во второй половине XIX в. для приезжих рабочих. Мы осмотрели старейшую в области колонию рабочих-горняков, устроенную горнозаводчиком Раном в Збышеве в 1846 г., а также колонию рабочих-литейщиков, построенную в 1858—1862 гг. в селении Заставка, где находится литейный завод.

Квартиры рабочих в колониях состоят из одной-двух комнат и кухни. В кухне стоят «шпаргет» (плита) и большой шкаф для посуды. В комнатах — полированная современная мебель (двухспальные кровати, зеркальный гардероб, диван-кровать и т. д.).

Так же обставляют свои квартиры и рабочие, живущие в индивидуальных домах, представляющих собой перестроенные крестьянские жилища трехраздельного плана.

От старого традиционного убранства жилища не осталось и следа, так же как и от традиционной народной одежды. Это вообще характерно для высокоразвитых в промышленном отношении областей Чехословакии.

Таким образом, если в быту словацких горняков ярко выявлена этнографическая специфика, то в большинстве областей Чехии и Моравии уже давно в значительной мере утрачены особенности, отличавшие материальную культуру сельского населения от городской. Это выдвигает необходимость несколько иного аспекта в изучении рабочего быта: современная материальная культура рабочих исследуется чешскими учеными главным образом как показатель культурного уровня населения, центр же внимания переносится на явления духовной культуры, социальной жизни, в частности на разработку таких проблем, как семья и семейный быт, общественный быт и общественные отношения.

К. Фойтик познакомил меня также с новым объектом своих исследований, исключительно интересных по замыслу и методам. Это — город Готвальдов, бывшее местечко Злин (Zlín).

До первой мировой войны мужчины Злина изготовляли сукна, шерстяные чулки и перчатки. Население занималось также земледелием и в небольших размерах скотоводством. С 1919 г. предприниматель Батя, разбогатевший во время войны на поставке обуви армии, начал строить здесь обувные мастерские, потом заводы — обувные, кожаные, резиновые, а также заводы, изготовляющие оборудование для кожаных предприятий; впоследствии были выстроены им и заводы, уже не имевшие отношения к производству обуви, — машиностроительный и авиационный.

В процессе этого строительства население Злина быстро выросло. Сюда стекались рабочие со всей республики: из Чехии, южной и западной Моравии, из Словакии. Так, если в 1921 г. здесь жило всего 2300 человек, то в 1938 г. было уже 40 тысяч. В настоящее время в Готвальдове насчитывается 65 тыс. жителей.

В предприятия Бати было втянуто также окрестное население. В настоящее время в области, экономически тяготеющей к предприятиям Готвальдова, насчитывается 150—200 тыс. чел. населения (60—70 деревень).

Готвальдов — областной центр, большой культурный город. В нем имеются радиостанция, филармония, драматический театр, три кинотеатра, два заводских клуба, пять стадионов, два бассейна для плавания, искусственное озеро, гидростанция. Издается областная газета.

Город усиленно строится: вырос целый квартал многоэтажных домов с двухкомнатными квартирами со всеми удобствами. Однако большинство рабочих живет еще в домах, выстроенных в свое время Батей. Это двухэтажные домики типа коттеджей, с кухней и подсобными помещениями внизу и двумя комнатами наверху. Сооружены они на живую нитку и быстро разрушаются. В свое время рабочие платили за них довольно высокую месячную плату, причем Батя обещал, что через 30 лет они станут полными собственниками этих домов. Однако построенные им дома не выдержали и этого срока.

¹⁰ При посещении нами Государственного архива в Брно, помимо общего знакомства с его интереснейшей выставкой наиболее ценных исторических рукописей и книг, К. Фойтик познакомил меня с теми документами и материалами, которые использованы в его монографии (имущественные документы, акты судебных процессов, метрические записи, черновые материалы переписи 1857 г., содержащие сведения о численном составе семей, размерах их хозяйства, занятиях и т. п.).

Изучение рабочего быта такого крупного промышленного центра весьма сложно, тем более, что д-р Фойтик предполагает включить в сферу своего исследования не только город, но и тяготеющую к нему округу. Этнографическое обследование будет проводиться в рабочих семьях, которые исследователь классифицирует по следующим группам: а) семьи рабочих из местного коренного населения; б) семьи рабочих, переселившихся из окрестных деревень в связи с работой на готвальдовских заводах; в) семьи рабочих, остающиеся жить в деревнях; г) семьи рабочих — пришельцев из различных областей (по статистике 1938 г. они составляли 60% всего населения). При выборе семей исследователем будут учтены также различные категории рабочих по их профессиям, квалификации и т. д.

Для получения массовых данных, а также для выбора типичных семей и дальнейшего углубленного изучения К. Фойтик предполагает пользоваться анкетным методом. С этой целью им выработан вопросник о семейных отношениях. Это весьма обширная программа изучения семьи в историческом аспекте. Первый ее раздел («Происхождение и развитие семьи») включает группу вопросов, связанных с выяснением социального и экономического положения родителей, дедов и прадедов глав современной семьи; та же группа вопросов, связанная с боковым родством (братья и сестры, дядя и тетки глав семьи), направлена, кроме того, на выяснение характера родственных связей. Особая группа вопросов связана с выяснением форм семьи. Разделы II—IV посвящаются изучению современной семьи: ее состава, форм, характера внутрисемейных отношений, ее экономики, жилищных условий, ее обрядово-бытового уклада. Большой интерес представляет раздел II — «Положение женщины в семье». Поставленные в нем вопросы, при кажущейся их незначительности (кто в семье закупает съестные припасы, одежду; советуется ли муж с женой о покупках, о воспитании детей и т. п.), помогают вскрыть роль женщины в семье и перейти от декларативных утверждений (как часто бывает в этих темах) к освещению действительного ее положения.

В разделе о семейных обычаях (IV) исследователь обращает главное внимание не на описание обряда как такового, а на связанные с ним социальные моменты, что вытекает из самого характера его вопросника. Так, в рубрике сведений о свадьбе он ставит вопросы о приданом, о взаимоотношениях молодой пары с родителями, невестки — со свекровью и т. п.

Этот обширный вопросник К. Фойтик предполагает размножить в нескольких тысячах экземпляров и распространить среди населения с помощью местных депутатов, учителей и уличных комитетов¹¹. Помимо этого, им будет широко использована государственная статистика, касающаяся занятий и образования населения, численности семей, семейных бюджетов.

Таким образом, д-ром Фойтиком предпринята грандиозная работа, которая выходит далеко за пределы изучения рабочего быта. Здесь впервые намечено этнографическое изучение современного города.

Большой интерес для меня представило пребывание в Праге. Помимо знакомства с этим прекрасным городом, его замечательными памятниками гражданского и церковного зодчества, мне удалось сделать два выезда в места исследований чешских этнографов.

Вместе с О. К. Скалниковой и фольклористами В. Корбусицким и Я. Иехом мы совершили поездку в Кладно — крупнейший промышленный район страны, с множеством шахт и заводов, основанных еще в последней трети XVIII в. В середине XIX в., благодаря большому количеству приезжих рабочих, общая численность рабочих во много раз превысила численность местных крестьян. Да и они с течением времени также стали постепенно втягиваться в промышленность.

В настоящее время крестьянская прослойка в районе Кладно невелика. Имеется небольшой сельскохозяйственный кооператив и некоторое число крестьян-единоличников. Наряду с старыми крестьянскими поселениями имеются поселки, возникшие в результате жилищного строительства самих рабочих (в 70-е и 90-е годы прошлого века и особенно в 20-е годы нынешнего, в период обширного кооперативного строительства жилищ).

Мы побывали в одном из старых рабочих поселков, в семье потомственного горняка. Это супружеская пара средних лет, живущая со старушкой — матерью мужа; сын учится в одном из институтов в Праге. Если квартира супругов, состоящая из кухни и двух комнат, убрана вполне современно, то помещение во дворе, где живет старушка-мать, ярко характеризует обстановку рабочей семьи на рубеже XIX и XX вв.

Я обратила, между прочим, внимание на наличие собственной библиотечки, главным образом художественной литературы, среди которой есть и переведенные на чешский язык произведения советских писателей.

В настоящее время чешские ученые закончили свою монографию «Kladensko», и она скоро пойдет в печать. Оставляя в стороне ее этнографическую часть, известную из сообщения О. К. Скалниковой¹², остановлюсь несколько на фольклористическом обследовании Кладно.

¹¹ Пока отпечатано 200 экземпляров, их разошлют, с тем чтобы выяснить, насколько этот опыт будет удачен.

¹² О. К. Скалникова, Указ. раб.

Чешские ученые исходят из положения, что рабочий фольклор отражает развитие рабочего класса, его жизнь, идеологическое содержание рабочего движения. Именно поэтому изучение рабочего фольклора тесно связано с историческим и этнографическим исследованием рабочего класса¹³. Принятый в Чехословакии метод параллельных фольклорно-этнографических исследований дал весьма положительные результаты. Другой принципиально важной стороной этих исследований является то, что фольклористическое обследование изучаемого района проводилось в полном объеме, т. е. изучался не только фольклор рабочей среды, но и других общественных слоев (крестьянства, ремесленников), поэтическое творчество которых находилось (да и сейчас находится) в постоянном и тесном взаимодействии. С этих позиций велась работа в Росице-Ославанах О. Сироваткой, теми же методами проводилась работа в Кладно. Я имела возможность более подробно познакомиться с изучением рабочего фольклора пражскими исследователями, и оно произвело на меня большое впечатление серьезностью подхода и своими масштабами. Такова совместная работа молодого фольклориста В. Корбусицкого и В. Плетки, работника Государственного архива в Брно.

Исследователи провели большую организационную работу: было опубликовано по радио и в печати обращение к старым рабочим с просьбой о присылке песенников, и таким образом получено 113 печатных песенников за 1877—1946 гг. (до этого в библиотеках удалось обнаружить только 20 песенников). Затем ряд печатных и рукописных песенников был обнаружен в полицейских архивах среди конфискованных при обыске бумаг.

Была просмотрена также рабочая печать (около 300 тыс. стр.), листовки, агитационные брошюры, мемуары, сборники материалов и, наконец, публикации после 1945 г. (журналы, сборники, песенники). Всего было собрано 5 тысяч песен, среди них 3 тысячи песен рабочих¹⁴. Над этими 3 тысячами песен авторы и работали как в архивах, собирая о них сведения, так и во время полевых фольклорных обследований, в частности в районе Кладно. В ходе экспедиционных работ удалось обнаружить ряд песен, ранее бытовавших, но полузабытых; при воспроизведении текста их вспоминали, рассказывали об обстоятельствах их бытования, о событиях, послуживших их основой, и т. д.

Итогом всей этой работы является подготовленная к печати рукопись «*Del'nické písně*», представляющая собой капитальное собрание песенного фольклора чешских рабочих.

В. Корбусицкий подготовлен также том «Песен из Кладно» для монографии «*Kladensko*». В сборнике дается 100 песен. Первой публикуется самая ранняя запись, к ней дается обстоятельный исторический комментарий, а затем помещаются варианты, записанные экспедицией, с подробными сведениями об истории создания и бытования публикуемого текста, его общественной функции и т. д.

При записи песен в Кладно исследователи применили прием, оказавшийся весьма плодотворным: распространили в рабочей среде небольшой песенник, содержащий тексты, известные лишь в отрывках, с просьбой прислать знакомые рабочим дополнения к текстам, а также данные о времени и обстоятельствах их бытования.

Не менее значительна и проведенная чешскими исследователями (О. Сироваткой, Я. Иехом) работа по изучению рабочей прозы: сказок, легенд, устных рассказов. Особенно интересен цикл записанных О. Сироваткой рассказов о вожде рабочего движения в Росице-Ославанах в конце XIX — начале XX в. Гибеше (Hybeš). Это подлинный фольклор, живой, яркий, рисующий типические ситуации, в которых раскрывается внутренний образ героя.

Чешские фольклористы организовали для меня поездку в северо-восточную (горную) часть Чехии, где родился и жил известный *písmák* (дословно «грамотей») Венцеслав Метелка (1807—1867) — автор интереснейшей хроники о событиях родного села и прилегающего района, проникнутой подчас резкой критикой социальных порядков¹⁵.

Венцеслав Метелка — один из наиболее ярких и типичных представителей писмаков, этих выходцев из народа, отличавшихся глубокой начитанностью, любовью к старой книге. Это были люди высокого национального сознания, патриотизм которых сочетался с суровым обличением действительности. Их общественные интересы ярко отражены в оставленных ими хрониках, воспоминаниях. Чешские фольклористы связывают писмаков с традициями протестантизма. Не случайно в этой части горной Чехии, бывшей некогда убежищем гонимых лютеран, встречается наибольшее число писмаков. Однако из них — К. Лукеша (из села Долни Штепанице) мы посетили. Это боль-

¹³ См. О. Sirovátka, Forschungsergebnisse und Erfahrungen auf dem Gebiete der Arbeiterfolklore in der Tschechoslovakei, «Acta ethnographica», V, fasc. 3—4, Buda-pest, 1956.

¹⁴ Число этих песен достигает 10 тысяч, так как некоторые из них публиковались много раз. Авторами составлена библиография источников. Песни записаны на «карточки (по первому двустроичию) с ссылкой на источники, год их издания и с указанием мелодии.

¹⁵ О Венцеславе Метелке см. статью Я. Иеха, опубликованную в журнале «Český lid», 1956, № 1, стр. 4—13.

шой знаток и любитель песен, составитель великолепного песенника, особенно интересного обилием в нем песен демократической традиции.

Во время своей поездки по Чехословакии я побывала в крупнейших этнографических музеях страны — лучшем музее Словакии в гор. Мартине, в этнографических музеях Брно и Праги, а также в некоторых небольших, но очень интересных краеведческих музеях (в Бардеёве, Рожнове, Врхлаби). У меня был ряд интересных встреч с фольклористами и этнографами страны — с крупнейшим чешским ученым, академиком Ю. Гораком, с видными словацкими этнографами и фольклористами Я. Мяртаном, А. Мелихерчиком, Я. Комаровским (интересующимся, в частности, проблемами русского народного театра), а также с молодыми учеными. Во время поездки мне неоднократно приходилось слышать пожелания более широкого и тесного общения между учеными наших стран. В частности, выдвигалось предложение об установлении практики обмена сотрудниками во время экспедиций, что привело бы к более глубокому освоению взаимного опыта.
